

Отношение моего поколения к советской эпохе, образно говоря, качалось на качелях. В наших детстве и юности не было принято сомневаться, что социализм — самый лучший и передовой строй, который уже поднял до небывалых высот нашу страну и в скором будущем осяцествит все остальные народы Земли. Затем советский период был объявлен злосчастной аномалией, по причине которой мы эти самые небывалые высоты либо утеряли в буквальном смысле, либо утратили гарантированный шанс на них взойти.

Мне бы хотелось посмотреть на отечественный социальный опыт XX века с иной позиции, глазами человека с естественнонаучным мировоззрением, помещая контекст событий на авансцену природы. Образование, полученное на биологическом факультете, плюс дальнейшая специализация в области демографии, умноженные на проявлявшийся с детства интерес к истории и экономике, убедили меня, что без сравнительной оценки природных условий многие исторические явления понять просто невозможно.

БОЛЬШАЯ РОССИЯ. МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Территорию, на которой располагалась Российская империя, позднее переименованная в СССР, британский геополитик Хэлфорд Джон Маккиндер назвал Хартлендом, или Сердцевинной землёй. Мне же кажется более точным созвучный англоязычный термин, а именно "Хардленд", или "Трудная земля". Здесь трудно получать прибыль, да и просто добывать средства к существованию. Убедительные доказательства того, как нелегко вести хозяйственную деятельность на континентальных пространствах с экстремально холодной зимой, многие наши соотечественники получили из книги А.П. Паршева "Почему Россия не Америка". Странно, что никем не оспоренные выводы Паршева до сих пор не получили должной оценки со стороны экономистов.

"Почему Россия не Америка" содержит весомый набор аргументов о дополнительных издержках при строительстве в холодном климате дорог, зданий, коммунальной инфраструктуры, не говоря уже об отоплении. Я же взглянул на проблему с иной стороны.

Ещё в 1982 году, во время принятия Продовольственной программы, меня мучил вопрос: почему урожайность в СССР намного ниже, чем в капиталистической Европе? Первый ответ, который приходил в голову: виноват колхозный строй. Однако и в дореволюционной России отставание по урожайности было примерно таким же. У меня возникла мысль сравнить естественную урожайность, обусловленную природой, то есть получить данные о ежегодном приросте биомассы в диких растительных сообществах России и Западной Европы. Такие данные удалось найти в работе советских геоботаников Леонида Родина и Натальи Базилевич "Динамика органического вещества и биологический круговорот зольных элементов и азота в основных типах растительности земного шара". Оказалось, что даже в самых богатых условиях чернозёмной России, в дубравах Воронежской области, годовой прирост биомассы приблизительно во вдвое меньше, чем в буковых лесах Германии или сосняках Англии (65 ц/га против 130 и 115 ц/га). Такое отставание обусловлено недостатком увлажнения, но в ещё большей степени — дефицитом тёплых часов в течение вегетационного сезона. На Русской равнине не только зима холоднее западноевропейской, но и весна приходит позже, и осень наступает раньше, в итоге общая сумма дневных температур, получаемых растениям за сезон, оказывается гораздо меньше. И чтобы получить то же самое количество зерна, как в Западной Европе, русскому крестьянину требовалось обработать вдвое больший участок земли, затратив вдвое больше труда.

В реальной экономике "поправочный коэффициент "Трудной земли", повышающий трудозатраты и одновременно снижающий рентабельность экономической деятельности, оказывается даже больше двух. Возьмём, например, животноводство. Период стойлового содержания скота в Центральной России достигает восьми месяцев и минимумом вдвое длиннее английского или французского. Значит, русскому крестьянину на зиму надо заготовить вдвое больше кормов. Но, поскольку естественная урожайность российского сенокоша вдвое меньше западноевропейской, нашему соотечественнику требуется косить вчетверо большую делянку. При этом времени русскому косарю отпущено вдвое меньше: лето "Хардленда" коротко! То есть ему надо работать в восемь раз интенсивнее. И, конечно, какими бы богатырскими качествами мы ни наделяли русский народ, добиться лидерства в таких условиях соревнования невозможно.

Потому хозяйственное освоение "Трудной земли" происходило гораздо позже, плотность населения у нас на протяжении всей истории была существенно меньше, а уровень жизни ниже.

Правда, в доиндустриальный период при условии очень редкого населения уровень жизни "Трудной земли" мог конкурировать с западноевропейским, если, например, получать те же белковые продукты за счёт охотничьих и рыболовных ресурсов обширных девственных лесов и водных угодий. Однако у низкой плотности населения есть свои минусы, сдерживающие разделение труда и обмен информацией, что в индустриальную эпоху становится критическим фактором.

ФАКТОР ПЛОТНОСТИ. ДЕМОГРАФИЯ ЦЕННОСТЕЙ

То, что плотность населения в большинстве областей России должна быть ниже, чем в странах Западной Европы или "старых", давно колонизированных штатах США, непосредственно вытекает из разной продуктивности природных экотопов. Это естественно: больше людей селится и выживает там, где может больше прокормиться. Однако при сравнении регионов с похожими природными условиями у нас и на Западе одинаковой плотности всё равно не наблюдается. Регионы сравнивались по трём параметрам: температурный режим, количество осадков и удалённость от моря. Правда, в континентальной Европе аналогов русской "Трудной земле" найти невозможно, но они есть в Скандинавии, Канаде и США. Оказалось, что плотность русского населения в сходных трудных условиях вдвое, а порой и втрое-вчетверо выше, чем англо-американского или шведского.

При поверхностном сравнении плотности населения двух миров возникает иллюзия, что Россия катастрофически недонаселена, наше население по сравнению с немецким или английским очень редко и на просторах Отечества можно разместить ещё многие сотни миллионов людей. Но стоит сопоставить плотность в регионах — географических близнецах, и выясняется, что Россия сильно перенаселена — по западным меркам. Обществу о более скромных потребительскими запросами может позволить себе более высокую плотность. Но западные стандарты потребления выявляют "лишнее население", требующее "оптимизации".

Как же получилось, что русское население в трудных природных условиях достигло более высокой плотности, чем европейское? Несходные культуры двух цивилизаций — западной и российской — порождали разные стратегии освоения своей пищевой ниши.

О различиях этих стратегий в семейно-имущественном аспекте я уже докладывал в публикации "Неизвестная граница двух миров", ссылаясь на труды известного венгерского демографа Джона Хайнала. В демографии даже утвердился термин "Линия Хайнала" — воображаемая черта, разделяющая европейские общества с разными традициями брака и наследования и примерно совпадающая с границей, разделяющей западное и восточное христианство.

Дело в том, что в Западной Европе утвердился принцип майората — передача всего недвижимого имущества старшему из наследников. Это обрекло младших на неординарные усилия по обеспече-

нию собственного благополучия, прежде чем они вступали в брак. К востоку от Линии Хайнала преобладала традиция общинной собственности, где основное средство производства — земля — подвергалось регулярному подушевому переделу. На востоке не было смысла откладывать брак, напротив — чем раньше у молодой пары появятся дети, тем быстрее они получат право на долю в коллективном богатстве.

Нетрудно сделать вывод, что на Западе действовали более мощные экономические стимулы, заставлявшие приобретать и увеличивать богатство, в том числе путём экономии на детях, откладывая сроки их рождения и сроков самого вступления в брак, а в России — более мощные демографические стимулы, подхлестывавшие рождаемость. Повышать свой уровень жизни, экономя на детях, в условиях восточноевропейской переделной общины не получалось: бездетный и малодетный оказывался в материальном проигрыше.

Отсюда логично предположить, что по сравнению с западноевропейским русский образ жизни вёл к дополнительному "уплотнению" населения, к рождению большего числа детей на единицу продуктивности. Иными словами, там, где по западным меркам с квадратного километра не следовало кормиться более чем десятку людей, в России кормилось и 20, и 30. Такой выигрыш в численности (выигрыш относительный, поскольку западные земли в целом гораздо более продуктивны, чем российские) автоматически вёл к проигрышу в уровне жизни.

Суровый и даже скупой быт русского народа был залогом создания критической массы населения на "Трудной земле" — массы, достаточной для строительства великой державы, ведь слишком редкое население не позволило бы нам конкурировать с соседями в военном отношении. Более того, критическая масса была необходима для создания полноценной цивилизации, способной породить достаточное количество талантов по всему спектру человеческой культуры и знания. Будь нас в разы меньше, у нас не хватило бы людских ресурсов для создания собственных культурных и технологических центров, мы были бы обречены быть чьей-то периферией, поставщиком сырья и потребителем чужого культурного контента.

ВЫЗОВЫ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭПОХИ. РАСХОЖДЕНИЕ ДВУХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Социально-демографические стратегии, сложившиеся в аграрную эпоху, продолжали действовать и в Новое время. Как в XVII веке, так и в XIX-м российская цивилизация в соревновании с западной демонстрировала опережающее демографическое развитие, а Запад ускоренно развивался экономически. Дополнительным фактором такого ускорения выступало также обогащение за счёт колоний.

ТРУДНАЯ ЗЕМЛЯ

Законь русской мобилизации

В деревне стремительно накапливалась армия "лишних людей", требующая более достойного применения, чем даровой батрацкий труд. Столыпинское решение проблемы предполагало перемещение этих масс на слабоосвоенные окраины империи, фактически — первое освоение целины. Однако потенциал этого решения был ограничен, так как для заселения предлагались континентальные глубины, прежде всего сухие степи Казахстана, Забайкалья и Алтая, то есть более трудные земли, чем Центральная Россия.

Несмотря на обилие пригодных для распахивания площадей, ведение хозяйства там выглядело ещё более трудозатратным и менее рентабельным, чем на малой родине переселенцев. Немуудрено, что значительная часть искателей счастья вернулась назад.

Более удачным казалось перемещение армии избыточных трудовых ресурсов в города, ускоренная индустриализация, массовое создание рабочих мест в промышленности и сфере услуг. Однако такое решение требовало гигантских инвестиций. Частные инвесторы — как отечественные, так и иностранные — таких масштабных вложений обеспечить не могли, так как переток капиталов в Россию противоречит естественным законам природы.

Мы уже говорили, что климат "Трудной земли" требует гораздо больших затрат на отопление, строительство, транспортировку товаров. Кроме того, более редкое население этой земли сокращает рынок находящихся в зоне ближайшей доступности покупателей, а также сужает круг расположенных поблизости смежников и поставщиков. В итоге прибыль, созданную на "Трудной земле", выходящее реинвестировать на "Лёгкую землю", а не наоборот. Конечно, в разных отраслях и в разных ситуациях рентабельность может варьировать, в определённых случаях вложения в "Трудную землю" могут оказаться более привлекательными, но общее сальдо неизменно окажется отрицательным. Отток капитала из России на Запад (точнее, на территорию с более мягким климатом — это может быть и Сингапур, и Турция, и Корея) — это географический императив. Закон превышения оттока капитала над притоком строго выполняется на протяжении десятилетий до 1917 года и так же строго выполняется после 1991 года. Редкие исключения составляли пиковые годы рыночных колебаний, но эти краткосрочные приливы тут же компенсировались более продолжительными и масштабными отливами.

Таким образом, переключаясь на западные экономические критерии социальной эффективности, российская цивилизация входила во всё более жёсткий кризис. Интеграция в западный мир предполагала два варианта развития. Первый путь — достижение западного уровня жизни для всех — предполагало резкое, кратное сокращение населения до западных стандартов плотности на единицу продуктивности. В таком случае численность населения России должна была стремиться к аналогичному показателю населения Канады — её географическое близнеца в Западном полушарии. Куда при этом должно было исчезнуть 70–80% "лишнего населения" — вопрос риторический.

Второй путь, фактически реализуемый в начале XX века, вёл к расслоению русского социума на сравнительно небольшую "Европу", экономически эффективную и сравнимую по качеству жизни с Западом, и громадную "Африку", быстро умножающую численно, нищую, ведущую полуэкономическое хозяйство ради выживания. В первом случае неизбежен был массовый перманентный отток населения, во втором — масштабный перманентный отток капитала.

Коммунистический проект реализовал третий путь, оказавшийся наиболее приемлемым для большинства населения и наиболее действенным для сохранения независимой российской цивилизации.

СОВЕТСКИЙ ОТВЕТ НА ВЫЗОВ ЭПОХИ

Радикальная революционная ломка традиционного уклада русского общества была сопряжена с тяжкими издержками и потерями. Справедливо: ради надо признать, что наш патриархальный уклад был обречён и при европейской, столыпинской трансформации, только его ликвидация шла бы стихийным порядком и растянулась бы на более долгие сроки. Очень вероятно, что суммарные людские потери от затанувшейся "африканизации" "лишнего населения" при интеграции в западный рынок значительно превысили бы количество жертв Гражданской войны, "великого перелома" и репрессий. Во всяком случае, демографические потери от вестернизации 90-х годов, проходившей в гораздо более выгодных условиях, нежели несостоявшаяся вестернизация начала XX века, оказались больше демографических потерь периода первых сталинских пятилеток.

Иющие родные деревни и не уязвлённые частым сравнением с комфортабельными образами быта, могли воспринимать своё положение как должное. Однако образованная часть общества отчётливо видела углубляющийся разрыв между Западом и Россией, и по мере распространения образования и расширения круга внутренних миграций в стране подогревалось чувство оскорблённого самолюбия.

Самым простым выходом казалось внедрение западных норм культуры и права: если они приносят такие великолепные плоды за границей, почему бы им не работать у нас? Этой логике следовали закон об ограничении земельных переделов 1893 года и столыпинская реформа 1907 года. Их авторы видели корень бед в переделной общине, исключавшей частную собственность на землю и демотивирующей крепких хозяев. Сторонники приватизации общинных земель рассчитывали, что концентрация главного средства производства в руках наиболее эффективных аграрных предпринимателей приведёт к быстрому росту урожайности и производительности труда. В какой-то степени так оно и случилось, однако подводные рифы евровреформирования русской деревни оказались куда опаснее, чем могли предполагать их идеологи.

Начиная с 1893 и особенно с 1907 года ускорилось расслоение российской деревни: в ней выделилась сравнительно небольшая богатая часть, начавшая концентрировать в своих руках землю, и бедное большинство, пользующееся оставшимися угодьями. Богатые и предприимчивые крестьяне действительно лучше организовывали хозяйство, что отразилось на статистических показателях последнего предвоенного десятилетия.

Однако не только достичь западной урожайности, но даже приблизиться к ней на "Трудной земле" было невозможно (исключение составляли разве что Кубань и среднее Поднепровье). При этом население страны продолжало расти прежними высокими темпами, так как социальные традиции не меняются с такой же скоростью, как правовые нормы, и трудно поддаются внешнему регулированию. Для понимания ситуации: чтобы перенять западный стиль жизни, русская деревенская беднота должна была забыть про привычные свадьбы в семнадцать-восемнадцать лет и не идти к венцу до тех пор, пока не удаётся сколотить маломальское состояние, откладывая брак до 25, 30, 35 лет, а в случае неудачи вовсе оставаясь бабьями.

Но этот оплаченный в Европе механизм, регулирующий перенаселение, в России не работал. Так крестьян, не вошедших в привилегированный слой, становилось всё больше, а земли у них — всё меньше.

Но, что принципиально, при всех своих трагических перегибах "советизация", в отличие от "вестернизации", позволила решить целый ряд роковых проблем, поставленных перед Россией в ходе столкновения цивилизаций.

Во-первых, **плановая экономика со строгим контролем внешнеторговой деятельности позволила на 70 лет прекратить отток капитала с "Трудной земли". Географическому императиву, требующему преимущества вложений в регионы с мягким климатом, была противопоставлена административная воля.**

Перекрыв отток капитала и сократив потребление законченной части общества, плановая экономика позволила сконцентрировать в руках государства необходимые для форсированной индустриализации инвестиционные ресурсы, которых по изложенным выше причинам не мог предоставить в достаточном количестве частный сектор. Прибыль, получаемая на просторах "Трудной земли", не превращалась более в княжеские виллы на Лазурном берегу и не трагилась на увеселения аристократов в Баден-Бадене. Вложенная в развитие, она воплотилась в домах Магнитки, турбинах Днепротэса, цехах ЗИЛА и "Уралмаша". Впервые за несколько веков российская цивилизация прекратила хронически наращивать отставание от западной и стала энергично сокращать разрыв не только по объёму ВВП, но и по душевым доходам. И этот перелом в соревновании двух миров произошёл, несмотря на катастрофические для нашей страны последствия Гражданской и особенно Великой Отечественной войн!

Советский Союз сумел быстро найти применение колоссальной армии "лишних людей" из перенаселённой деревни. Исторические короткие сроки — это не фигура речи, а факт: всего за три десятилетия с принятия первого пятилетнего плана городское население СССР выросло втрое. Эти люди не просто были достаточно эффективно трудоустроены. Удалось ликвидировать угрозу пауперизации, "африканизации" этой гигантской людской массы. По существу, социализм возродил в масштабах большой страны принцип переделной общины, где каждому при условии честного труда гарантируется доля в доходах общества и где никто не имеет шансов, накапливая богатство, посягнуть на долю своих соотечественников. В этом смысле советский строй стал развитием традиционного российского уклада на индустриальном этапе.

Единственное критическое отличие русского социализма от переделной общины — в СССР не удалось найти такие же действенные демографические стимулы, которыми являлся регулярный подушевой земельный передел. При этом рождаемость в Советской России, даже несмотря на форсированную урбанизацию, по инерции всё равно оставалась выше, чем в большинстве западноевропейских стран.

Но, пожалуй, самым главным достижением СССР следует признать создание мобилизационной модели общества, что позволило отразить титеровское нашествие. Имея полуторное превосходство в населении и почти тройное в экономике, объединённая Третьим рейхом Европа не смогла одержать победу над Советским Союзом в прямом военном столкновении. Важнейшим фактором этой победы стало то, что мобилизационная советская экономика, создавая гораздо меньшую сумму материальных благ, чем западноевропейская, сумела произвести больше танков, самолётов, орудий и другого боевого снаряжения. Такая мобилизация ресурсов ради одной цели невозможно было добиться в условиях господства частной собственности, что признавал даже такой рыночный консерватор, как Уинстон Черчилль, объявивший на время войны полную национализацию всей британской авиационной промышленности и важнейших смежных отраслей.

"ТРУДНАЯ ЗЕМЛЯ" В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭПОХЕ. СОВЕТСКИЙ ОПЫТ В НАШИ ДНИ

Казаюсь бы, аграрная эра осталась в прошлом человечества, и расселение по поверхности Земли в соответствии с биологической продуктивностью осваиваемых территорий сегодня неактуально. Подобные рассуждения нередки, но не имеют ничего общего с реальностью.

Фактически перераспределение населения в соответствии с климатом в наше время стало ещё более интенсивным. Цена первичных сырьевых ресурсов — продуктов и минералов, для получения которых требуются конкретные площади, — занимает всё меньшую долю в конечной цене товаров. Для получения первичного сырья, аграрного или ископаемого, требуется всё меньше рабочих рук.

Всем остальным людям, большинству занятых, кто находит себе применение на более высоких этапах переработки, нет смысла распределяться "по площадям" — гораздо выгоднее сосредоточиться в мегаполисах. Причём эти мегаполисы выгодно располагают в тёплом климате.

Именно такие процессы сейчас и происходят в большинстве ведущих экономик планеты. В Китае население южных приморских провинций, прежде всего Гуандуна, растёт опережающими темпами, а северных — стагнирует. Население приграничной с Россией китайской провинции Хэйлунцзян, равно как и приграничного японского острова Хоккайдо (самых северных и, соответственно, более "трудных" земель этих стран), в XXI веке вообще стало сокращаться. Аналогичные тенденции проявляются и в США: в число лидеров по приросту населения вышел южный штат Флорида, а стагнация наблюдается прежде всего в северных штатах — Мичиган, Иллинойс, Огайо, Пенсильвания, Коннектикут. Даже в Финляндии, самой холодной из европейских стран, наблюдается чёткая тенденция сдвига плотности населения с северо-востока на юго-запад.

Подобные явления отмечены и в нашей стране: несмотря на выросший удельный вес сырьевой экономики, доля населения Сибири и Дальнего Востока с 1989 по 2022 год сократилась почти на четверть. Всё это свидетельствует о том, что для России, расположенной на "трудных" и "экстремально трудных" землях, проблема относительной перенаселённости остаётся по-прежнему актуальной. Соответственно, никто не отменял и перманентный закон оттока капитала с "Трудной земли" на "Лёгкую". В случае свободной игры рыночных сил нашими постоянными спутниками должно быть отрицательное сальдо инвестиций (что неумоглимо соблюдать с первого года гайдаровских реформ и по сей день), а также растущая армия "лишних людей" (чего нам пока удаётся избежать из-за энергетизованно поддерживаемой дешевизны энергоресурсов и сохранения обширного бюджетного сектора занятости — по сути, благодаря двум "переклещкам" советского строя).

Для справки: средняя стоимость киловатт-часа электроэнергии в России примерно вдвое ниже, чем в США, втрое ниже, чем во Франции, в 12 раз ниже, чем в Германии, а для крупнейших энергетических производств, расположенных поблизости от отечественных источников генерации, эта разница ещё больше.

Конечно, детальное воспроизводство советской системы в современных условиях невозможно, да и нецелесообразно — всё-таки нельзя забывать, что её падение было во многом спровоцировано внутренними пороками. Однако применять тот опыт СССР, который повышал нашу конкурентоспособность в столкновении цивилизаций, необходимо. К таким наиболее востребованным сегодня чертам советской системы относятся: контроль за внешним движением капиталов, централизованная инвестиционная политика, мобилизационное развитие. Как мог заметить наблюдательный читатель, все эти компоненты связаны между собой и логически вытекают из положения страны на относительно (!!!) перенаселённой "Трудной земле". Словосочетание "относительно перенаселённой" подчёркиваю особо: хотя плотность населения России по мировым меркам невелика, но в аналогичных природных условиях при потребительских стандартах развитых стран рентабельным представляется ещё меньшее количество людей на единицу площади.

Необходимо понять геоклиматическую аксиому: никакими манипуляциями с учётной ставкой, никакими льготными налогами для бизнеса (в частности, отсутствием прогрессивной шкалы), никаким сокращением проверок и прочими макроэкономическими ловками не удастся добиться стабильного инвестиционного сальдо на "Трудной земле". **Капитал будет упрямо утекать туда, где теплее зима и ближе морские коммуникации, где выше плотность населения и концентрация бизнес-партнёров. Переломить эту тенденцию можно, только забрав основные валютные потоки из частных рук и переведав их в прямое распоряжение государства, которое будет возвращать заработанную на внешних рынках валюту на родину не потому, что это выгодно, а потому, что на родину. Государство вновь должно стать крупнейшим инвестором в производственный сектор, создавая рабочие места для потенциально "лишних людей" не потому, что это выгодно, а потому, что оно заинтересовано в сохранении и умножении своего народонаселения. Наконец, государство должно снова стать лидером вложений в научно-технический прогресс, причём на проектно-мобилизационной основе, ставя задачи обогащать ведущие страны на стратегически важных направлениях.**

Россия — единственная великая держава мира, единственная цивилизация, возникшая на "Трудной земле": исторические колыбели и современные "стержневые государства" всех остальных обществ планеты расположены в гораздо более благоприятных для экономической деятельности природных условиях. Наше развитие в таких необычных обстоятельствах было связано с особой социально-демографической стратегией, наше выживание в век испытаний сопряжено с особой мобилизационной моделью. И сегодня нам нужны духовная и организационная мобилизация, чтобы не превратиться в периферию иных центров силы.

Владимир ТИМАКОВ

На фото: Храм в честь Воздвижения Креста Господня Белогорского Свято-Николаевского монастыря (Кунгурский район Пермского края)